

Роль генетических исследований в современной нефрологической клинике

М.С. Игнатова

ФГУ МНИИ педиатрии и ДХ Росздрава, г. Москва

Role of genetic studies in modern nephrology

M.S. Ignatova

Ключевые слова: генетические исследования, гематурический, нефротический, гипертонический синдромы, кистозы.

Генетические исследования с момента расшифровки генома человека все шире входят в практику различных медицинских специальностей, в том числе в нефрологию. Достижения современной генетики в развитии нефрологии трудно переоценить. Они касаются выяснения природы многих заболеваний почек, которые длительно расценивались как «идиопатические». Не менее важным является создание на основе генетических исследований рекомбинантных лекарственных средств, широко используемых в практической деятельности нефрологов.

Для современной нефрологии очевидно, что большинство заболеваний органов мочевой системы (ОМС) связаны как с генетическими отклонениями, так и с воздействием различных экологических факторов [13]. Уточнением роли внешних воздействий в развитии заболеваний ОМС занимается в настоящее время эконейрология [4]. Понимание генетической составляющей в развитии нефропатий происходит с активным привлечением к этим проблемам достижений ДНК-диагностики и цитогенетики.

Известно, что в экологически неблагоприятных регионах тяжелые металлы оказывают эмбриотоксическое и генотоксическое действие. Это побудило провести цитогенетические исследования у людей, проживающих в таких регионах. Оказалось, что у больных с «эконейропатией» чаще, чем в общей популяции, обнаруживаются хромосомные варианты с увеличением околоцентромерного гетерохроматина [3]. Этот феномен выявлялся у детей и их родителей, что позволяет предполагать либо наследование подобного признака, либо, что более вероятно, появление хромосомных мутаций у людей различного возраста в связи с неблагоприятным влиянием тяжелых металлов на генетический аппарат. Полученные данные нацеливают на проведение цитогенетических исследований для выявления маркеров развития экологически детерминированной патологии ОМС.

Роль вирусной инфекции также обсуждается в настоящее время как возможная причина развития различных нефропатий. Велика роль в этом отношении Эпштейна–Барра вируса, который, возможно, способствует прогрессированию стероид-резистентного нефротического синдрома (СРНС) [6]. Важными для понимания причины возникновения мутаций различных генов у человека являются данные о непосредственном воздействии вирусов на генетический аппарат. Проведены генетические исследования, касающиеся влияния герпес-вирусов, к которым относится и вирус Эпштейна–Барра, как причины развития врожденного нефротического синдрома, связанного с мутацией гена NPHS2, кодирующего подоцин [16].

В нефрологической клинике основные патологические состояния проявляются гематурией, нефротическим синдромом, артериальной гипертензией, кистозами. Именно изучению этих состояний с применением ДНК-диагностики посвящаются в последние годы работы генетической ориентации. Прогнозирование течения ряда нефропатий считается возможным на основании достижений нефрогеномики [15].

До середины XX в. не проводилось четкого дифференцирования гематурических нефропатий. Однако выделение семейных форм нефропатий, проявляющихся гематурией, начато уже в начале прошлого столетия. Появление сведений о семейных случаях гематурии необходимо связать с именем L. Guthrie (1902). Проследившая заболевание в этих же семьях, A. Alport (1927) отметил, что у некоторых больных, кроме гематурии, отмечается тугоухость и может рано развиваться уремия. Это были первые исследования заболевания, которое впоследствии получило название «наследственный нефрит» (НН).

Интенсивное изучение НН началось в 60–70-е гг. прошлого столетия. Клинически выделяли заболевание, протекающее без тугоухости, и синдром Альпорта (СА) – наследственный нефрит с тугоухостью, который, как правило, имеет более тяжелое течение.

Адрес для переписки: 125412, г. Москва, ул. Талдомская, д. 2. МНИИ педиатрии и детской хирургии МЗ и СР РФ, отделение наследственной и приобретенной патологии

Телефон: 488-51-13. Игнатова Майя Сергеевна

E-mail: nepbrolog@pedklin.ru

Нами [39] на основании обследования детей с НН была высказана гипотеза, согласно которой в основе заболевания лежит патология соединительной ткани. В качестве критерия состояния соединительной ткани и, прежде всего, базальных мембран (БМ) клубочковых капилляров рассматривались данные экскреции с мочой оксилизингликозидов (ОЛГ) и их фракций, соотношение которых колеблется в зависимости от вида коллагена. У подавляющего числа больных отмечалось повышение экскреции ОЛГ, входящих в состав БМ почечных клубочков, БМ кортиева органа и капсулы хрусталика, т. е. именно тех органов, которые в первую очередь страдают при НН. Гипотеза о первичном поражении соединительной ткани при НН получила подтверждение, когда в 1985 г. L. Menlove et al. [27] сообщили о выявлении ответственного за развитие СА гена COL4A5, который был обнаружен на длинном плече X-хромосомы в зоне 21-22q.

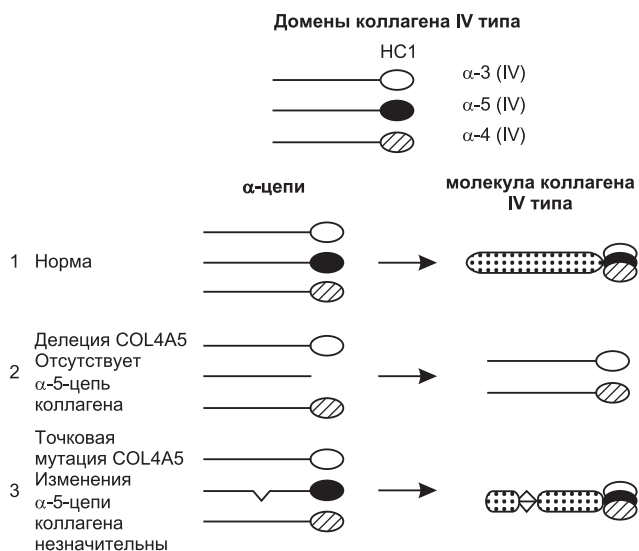
Идентификация в качестве генетической основы НН-гена, кодирующего альфа-5-цепь коллагена IV типа, привела к тому, что в современной литературе термин «синдром Альпорта» нередко употребляют для всех вариантов НН. Наследственный нефрит (синдром Альпорта) рассматривается как генетически детерминированная неиммунная нефропатия, развивающаяся в связи с патологией коллагена БМ, проявляющаяся гематурией и/или протеинурией, прогрессирующим снижением почечных функций и нередко сочетающаяся с патологией слуха и зрения. НН с тугоухостью и ранним развитием ХПН носит название «классического синдрома Альпорта» (СА), для которого характерен доминантный сцепленный с полом тип наследования. Реже встречаются аутосомно-доминантный и аутосомно-рецессивный варианты НН, при которых мутантные гены COL4A3 и COL4A4 расположены на 2-й хромосоме [18]. Одновременная мутация COL4A5 и COL4A6 присуща синдрому Альпорта, протекающему с лейомиозом пищевода. Важность изучения генов, кодирующих альфа-цепи коллагена IV типа, связана с тем, что в зависимости от варианта мутации нарушается сборка молекулы коллагена БМ, что и является основой патологии при НН (рис. 1).

Наследственный нефрит встречается чаще, чем диагностируется. По эпидемиологическим данным, полученным в 70–80 гг. прошлого столетия в России, частота НН среди детской популяции составляла 17:100 000 [2]. В Европе около 1% ХПН связано с НН, 2,3% трансплантаций почек проводится больным с СА [10].

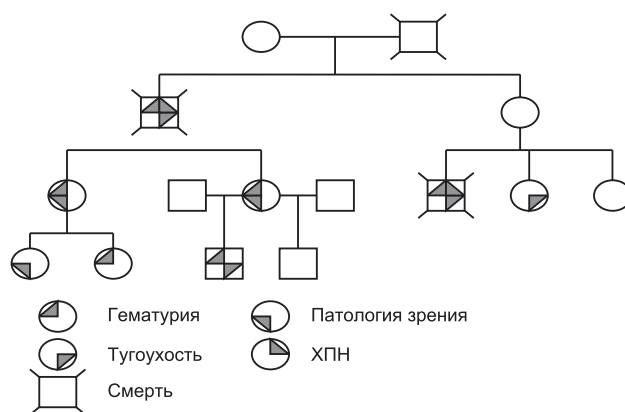
Для диагностики наследственного нефрита необходимо наличие 3 из 5 следующих признаков:

- гематурия или летальный исход от ХПН в семье;
- гематурия и/или протеинурия в семье;
- специфические изменения гломерулярных БМ при электронной микроскопии (ЭМ) биоптата почки больного;
- снижение слуха по данным аудиографии;
- врожденная патология зрения (чаще лентиконус).

Очень много для своевременной диагностики НН дает анализ родословной, если в ней присутствуют гематурия у нескольких членов семьи, тугоухость и ранние летальные исходы от ХПН (рис. 2). При наблюдении за течением болезни при наследственном нефрите у 200 детей из 153 семей на протяжении более

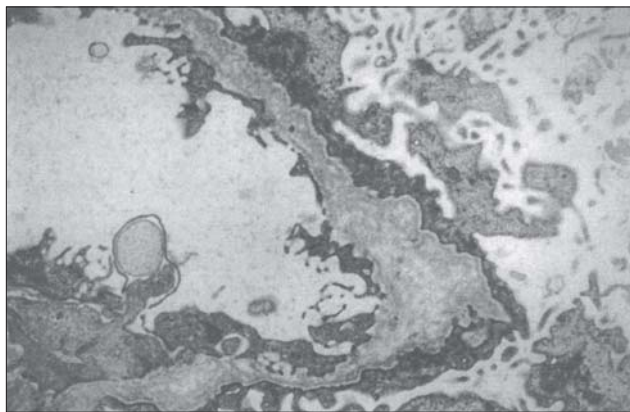
Рис. 1. Структура коллагена IV типа при нормальных и измененных альфа-цепях коллагена: 1 – норма. Все три альфа-цепи сохранны. Происходит скручивание молекулы коллагена; 2 – делеция COL4A5. Отсутствует альфа-5-цепь коллагена. Не происходит скручивания молекулы коллагена; 3 – точечная мутация COL4A5. Изменения альфа-5-цепи коллагена незначительны. Локальные нарушения скручивания молекулы коллагена

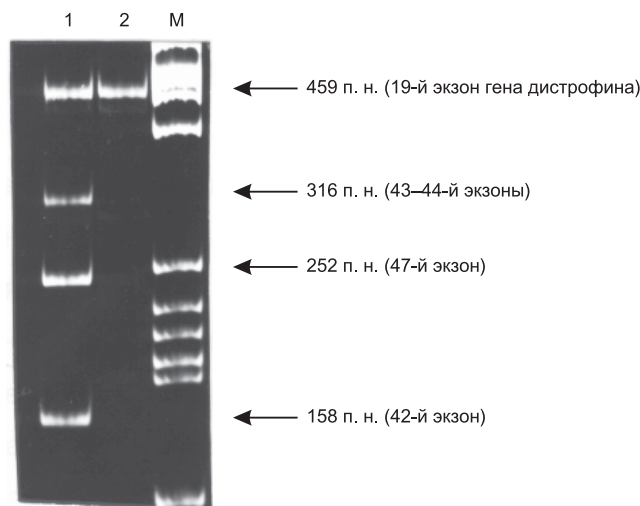
Рис. 2. Фрагмент родословной семьи С. Диагноз: синдром Альпорта

25 лет оказалось, что на основании клинико-генетического анализа родословных диагнозов был поставлен у 60% больных. У 40% больных для установления диагноза необходима была почечная биопсия с ЭМ биоптата, выявляющая расслоение БМ, ее истончение или утолщение с выраженными дистрофическими изменениями (рис. 3). В последнее время делаются попытки заменить биопсию почек биопсией кожи для определения наличия или отсутствия COL4A5 в эпидермальных БМ [26]. Результаты исследований говорят о возможности использования этого метода только как первого шага в диагностике СА у детей. Четкой корреляции изменений в коже и почках не получено.

Молекулярно-генетический анализ, проведенный нами совместно с сотрудниками Медико-генетического центра РАМН 16 детям, определил наличие мутации в гене COL4A5 у 11 больных. Особенно важна ДНК-диагностика при возникновении заболевания *de novo*. Среди наблюдаемых нами больных 50% пациен-

Рис. 3. Полиморфизм ультраструктуры БМ клубочкового капилляра. Участки различной толщины, потеря трехслойности, расслоение и дезорганизация плотной пластины (*Lamina densa*). Больной С. 8 лет. Диагноз: синдром Альпорта (x15 000)

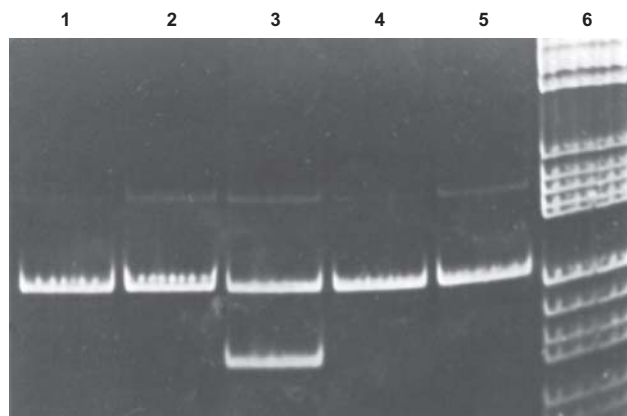

Рис. 4. Мультиплексная амплификация в гене COL4A5 пробанда семьи В. (1-я полоска – здоровый донор; 2-я полоска – пробанд с делецией гена COL4A5; М – маркер молекулярного веса)

тов имели X-сцепленный вариант без экстраренальных изменений, у 48% детей имело место сочетание патологии почек с тугоухостью и/или нарушениями зрения. В 2% случаев был определен аутосомно-доминантный тип наследования.

При проведении молекулярно-генетического исследования оказалось, что наиболее тяжелое течение наследственного нефрита отмечалось в случаях делеции гена COL4A5, которое было обнаружено в 6 из 11 определений мутантного гена (рис. 4). Более благоприятное развитие заболевания, как правило, без экстраренальных проявлений, было у детей с точечной мутацией в изучаемом гене (рис. 5). Необходимо отметить, что при наших исследованиях были обнаружены новые нуклеотидные замены, которые дополнили мировую «копилку» вариантов мутаций при СА [37].

В процессе наблюдения за больными с наследственным нефритом оказалось, что ХПН развилась в 18,2% случаев, причем не только во взрослом состоянии. Это положение подтверждается данными о раннем (в течение первых 10 лет жизни) появлении нефросклеротических изменений у мальчиков с СА [22]. Среди наблюдаемых нами больных у 4 мальчиков терминальная стадия ХПН наступила в 14–15 лет, что потребовало проведения трансплантации почки. У двоих из этих пациентов в последующем родились дети, обе девочки страдают СА. Изучение характера прогрессирования НН показало, что нередко у детей после 9 лет к гематурии присоединяется протеинурия, степень которой нарастает с возрастом больных. После 12 лет отмечается снижение клубочковой фильтрации, а повышение артериального давления происходит после 14–15 лет. В этом же возрасте отмечается постепенное повышение уровня креатинина крови. Первый опыт использования ингибиторов ангиотензин-превращающего фермента (иАПФ) при СА внушает оптимизм, так как при систематическом использовании иАПФ на протяжении 1–2 лет происходило улучшение клубочковой фильтрации и снижение уровня креатинина крови, чего не наблюдалось при нерегулярном применении данных препаратов. Это тем более существенно, что испробованные ранее в процессе наблюдения за больными с СА глюкокортикоиды, цитостатики, нестероидные

Рис. 5. Метод SSCP в COL4A5 пробанда семьи Б. для определения точечной мутации. Полоска 3 – ДНК пробанда семьи Б.; полоска 6 – маркер молекулярного веса; остальные полоски – контроль здоровых доноров

противовоспалительные средства, как правило, были неэффективны [5]. Радикальное лечение больных с СА, по-видимому, будет возможным при разработке методов генно-инженерного вмешательства.

Таким образом, генетические исследования позволили выделить из группы гематурических нефропатий наследственный нефрит (СА), развитие которого связано с мутацией генов COL4A5, COL4A4, COL4A3. Диагностика НН в любом возрасте возможна в большинстве случаев при клинико-генетическом анализе родословных. Подтверждение правильности диагноза даст ЭМ-картина почечного биоптата. Необходимость молекулярно-генетического исследования возникает, как правило, при развитии болезни *de novo*.

Современная генетика внесла большой вклад и в дифференцирование различных кистозов почек. Клинические и генетические исследования позволили выделить аутосомно-доминантную (АД) и аутосомно-рецессивную (АР) формы поликистозной болезни почек (ПКБ). В настоящее время ясно, что развитие АДПКБ может быть связано, по крайней мере, с тремя

генами. Более частая форма АДПКБ, составляющая примерно 85% от всех случаев заболевания, зависит от мутации гена PKD1, картируемого на 16-й хромосоме в регионе 16p33.3. Ген PKD2, расположенный на хромосоме 4 (4q21-23), выявляется приблизительно у 15% больных АДПКБ. Третий ген, мутация которого встречается у небольшого количества семей, еще не картирован. Продукты генов – полицистин 1 и полицистин 2 – ответственны за формирование кист [28].

На протяжении 5 лет под нашим наблюдением было 30 детей с АДПКБ и 4 ребенка с АРПКБ. Семейные случаи АДПКБ были у 24 детей, у 6 заболевание выявлялось *de novo*. У всех детей с указанной патологией начальные признаки болезни определялись в течение первых 10 лет жизни. У детей с АРПКБ заболевание нередко проявлялось уже в период новорожденности. При первом обследовании основными клиническими симптомами были боли в животе и пояснице, слабость, сниженная толерантность к физической нагрузке, быстрая утомляемость, сниженный аппетит. Мочевой синдром при АДПКБ был минимален, а у 19% больных отсутствовал. У больных с АРПКБ, как правило, наблюдалась минимальная протеинурия в сочетании либо с микрогематурией, либо с абактериальной лейкоцитурией. Характерными для больных были изменения при УЗИ: при АДПКБ преобладали пациенты с 5 и более кистами в обеих почках размером 1–3 см в диаметре. Для АРПКБ было типичным значительное увеличение размеров почек с множественными мелкими кистами. Как при АДПКБ, так и при АРПКБ у нескольких больных выявлялись кисты в печени, поджелудочной железе, селезенке. Парциальные изменения тубулярных функций почек отмечались у всех детей, но ранние признаки ХПН были у 3 детей с АРПКБ и 1 ребенка с АДПКБ. Результаты исследований близки к данным M. Gagnadoux et al. (2002) [17], M. Panczyk-Tomaszewska et al. (2002) [30]. У всех детей с поликистозной болезнью почек отмечались изменения активности ферментов лимфоцитов крови: альфа-глицерофосфат-дегидрогеназы (альфа-ГФДГ) и глутамат-дегидрогеназы (ГДГ), повышение уровня в крови молочной и пировиноградной кислот, накопление продуктов перекисного окисления липидов и снижение уровня антиокислительной активности плазмы крови [7]. Максимальная выраженность изменений была при наличии ХПН.

Основными в диагностике поликистозной болезни являются данные родословных и результаты УЗИ. При наличии в семье больных с ПКБ необходимо медико-генетическое консультирование, а в некоторых случаях – пренатальная диагностика.

Более ста генетических синдромов сопровождаются поликистозом почек, что представлено в Online Mendelian Inheritance in Man (OMIM). Среди них одно из существенных мест занимают кистозы кортико-медуллярной зоны почек, существенная доля которых клинически проявляется нефронофтизом. В настоящее время под нефронофтизом понимается аутосомно-рецессивная патология почек, проявляющаяся полиурией/полидипсией, анемией и развитием ХПН. При этом УЗИ выявляет нормальный или несколько уменьшенный размер почек, отсутствие дифференцировки паренхимы на слои, наличие кист в кортико-медуллярной зоне. При микроскопическом исследо-

вании почек определяется кистоз и атрофия канальцев, выраженный интерстициальный фиброз [20]. В зависимости от времени начала ХПН выделяют три типа нефронофтиза: инфантильный, ювенильный и взрослый. Наиболее типичен ювенильный тип нефронофтиза 1-го типа (NPH1). Ген NPH1, мутация которого ответственна за изменения продукта гена – нефроцистина 1 и развитие клинических проявлений патологии, картирован на 2q12-q13. Средний возраст развития ХПН – 13 лет. Под наше наблюдение больные с этим вариантом нефронофтиза поступали либо после консультации эндокринолога в связи с отставанием в росте и явлениями полидипсии/полиурии, либо по рекомендации гематолога, обследовавшего ребенка с явлениями резистентной к терапии анемии.

Нефронофтиз 2-го типа (NPH2) – инфантильный, обусловлен мутацией гена INV (продукт гена – инверсин). Ген картирован на 9q22-q31. Почечная недостаточность развивается рано – в 1–3 года. Продукт гена INV обеспечивает стабильность ресничек эпителиальных клеток почек, протоков печени, эндокринных органов. Другая функция инверсина – участие в формировании правильного расположения внутренних органов в период раннего эмбриогенеза [40]. Мутация гена INV приводит не только к развитию клинических проявлений инфантильного нефронофтиза, но и к формированию обратного расположения органов и множественной селезенки. Инфантильный нефронофтиз отличается от других вариантов патологии наличием увеличенных в размерах почек, обнаружением кист не только в кортико-медуллярной зоне, но и в паренхиме почек. Для него характерны обратное расположение внутренних органов и наличие множественных врожденных пороков развития. Именно подобный вариант нефронофтиза мы наблюдаем в нашей клинике. Ребенок наблюдается с возраста 1 год 8 мес. [1]. С 2 лет 9 мес. девочка с проявлениями ХПН находится на перитонеальном диализе. Нефронофтиз 2-го типа в связи с развитием почечной недостаточности на первом-втором году жизни и выявлением множественных кист в почках часто ошибочно диагностируется как АРПКБ.

Нефронофтиз 3-го и 4-го типов относится к взрослому типу, развитие ХПН при 3-м типе нефронофтиза в среднем происходит в 29 лет, а при 4-м – в 34 года. Ген NPH3 расположен на 2q21-, а NPH4 – на 1q36-хромосоме соответственно.

Таким образом, пациенты с ювенильным и инфантильным вариантами нефронофтиза должны находиться под наблюдением педиатров-нефрологов, причем первые признаки, на которые необходимо обращать внимание, – это полиурия/полидипсия и анемия. Обязательно выполнение УЗИ и обследование, направленное на определение функционального состояния почек. ДНК-диагностика необходима при дифференцировании инфантильного нефронофтиза и АРПКБ. Важно помнить о возможности проявления нефронофтиза впервые только во взрослом состоянии. В этих случаях большое значение для диагностики имеет ДНК-исследование. Вне зависимости от возраста выявления у больного нефронофтиза требуется своевременное использование заместительной терапии ХПН.

В последние годы стало очевидным, что развитие нефротического синдрома (НС) не только у детей, но

и у взрослых может быть связано с генетическими причинами. Нефротический синдром характеризуется, прежде всего, протеинурией, а ее появление зависит от состояния белков щелевой мембраны подоцитов: нефрина, подоцина, альфа-актинина-4 и других. Привлечение внимания к генам, кодирующим белки щелевой мембраны подоцитов, привело к пониманию того, что их мутация может определять развитие НС [33].

Генетическая природа врожденного НС финского типа была доказана исследованиями M. Kestila et al. (1998) [23], которые картировали ген NPHS1 на 19-й хромосоме, кодирующий трансмембранный белок нефрин. Мутация гена, кодирующего нефрин, приводит к нарушению щелевой мембраны подоцитов, что и проявляется тяжелым развитием НС, начиная с антенатального периода развития ребенка. Особенностью гломерул при НС финского типа является их атубулярный характер, что сопровождается гипертрофией оставшихся «нормальных гломерул» и развитием микроцистоза [38].

Подоцин – второй по функциональной значимости белок щелевой мембраны подоцитов. При ауто-сомно-рецессивном НС картирован ген подоцина (NPHS2) на хромосоме 1q25-q31 [12]. Для этого варианта НС характерно раннее начало, обнаружение при биопсии в начальном периоде болезни минимальных изменений, а при поздней биопсии – фокально-сегментарного гломерулосклероза (ФСГС), отсутствие эффекта от глюкокортикоидов и иммуносупрессивных препаратов, склонность к раннему развитию ХПН. Популяционное исследование, проведенное А.С. Pereira et al. (2004) [32], показало, что обнаружение у индивидуумов полиморфизма R229Q в гене подоцина достоверно коррелирует с наличием микроальбуминурии. При обследовании детей со стероидчувствительным НС (СЧНС) мутации гена подоцина не обнаружено. В нефрологической клинике Института совместно с сотрудниками Медико-генетического центра РАМН обследовано 30 детей с стероид-резистентным НС (СРНС) на наличие мутации гена подоцина. Результаты оказались отрицательными. Так как частота обнаружения мутаций гена подоцина различается в разных популяциях и не превышает 30% при спорадическом СРНС, у обследованных больных могут быть еще не изученные генные мутации.

J.M. Kaplan et al. в 2000 г. [21] показали, что семейный ауто-сомно-доминантный СРНС нередко обусловлен мутацией гена ACTN4, кодирующего белок цитоскелета подоцитов – альфа-актинин-4. При нефробиопсии выявляется ФСГС.

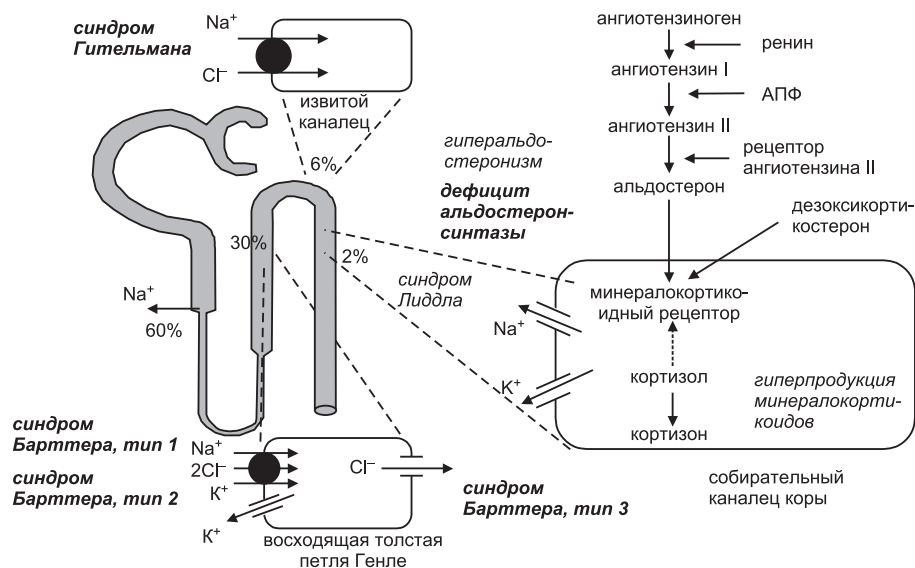
Своеобразную группу врожденного НС составляют больные с синдромами Дениса–Драша и Фрайзера. В настоящее время ведутся дискуссии: указанные синдромы – проявление одного заболевания или речь идет о двух различных процессах. Эти синдромы объединяет раннее развитие СРНС, выявление при морфологическом исследовании склерозирующих вариантов поражения почек, наличие дисгенезии гонад и мутация гена WT1. Отличия состоят в том, что для синдрома Дениса–Драша характерно частое развитие опухоли Вильмса и наличие диффузного мезангиального склероза при почечной биопсии, а для синдрома Фрайзера – отсутствие опухоли Вильмса и наличие ФСГС по

данным биопсии. Развитие синдрома Дениса–Драша связано с мутацией 8-го или 9-го экзона, а Фрайзера – 9-го интрона одного и того же гена WT1, расположенного на хромосоме 11q13. Под нашим наблюдением [9] находилось 7 больных с синдромами Дениса–Драша и Фрайзера, у всех отмечен СРНС, причем при проведении стероидной терапии отмечалось ухудшение состояния. У детей выявлялся псевдогермафродитизм, и у социально адаптированных девочек – 46XY-хромосомный набор. ДНК-диагностика подтверждала правильность диагноза. Таким образом, чтобы избежать ухудшения состояния при использовании стероидов при синдромах Дениса–Драша и Фрайзера, у пациентов женского пола с НС необходимо обращать внимание на состояние половых органов, проводить цитогенетические и морфологические исследования, а при сохраняющейся неясности диагноза – ДНК-диагностику.

Представление о том, что НС может быть как моногенно-наследуемым, так и мультифакториальным заболеванием, привело к необходимости определения гетерозиготных аллелей гена NPHS1, кодирующего нефрин [24]. При молекулярно-генетическом обследовании 25 взрослых пациентов, у которых в детстве в связи с наличием НС проводилась биопсия почки, выявившая минимальные изменения в клубочках, оказалось, что у 5 отмечены гетерозиготные аллели гена NPHS1, ранее в литературе не описанные (G879R, R800C, T294L, A916S). Трое из этих больных были со СЧНС, двое – со СРНС. Не исключено, что речь идет о предрасположенности к развитию НС при наличии указанных гетерозиготных аллелей гена NPHS1, т. е. о мультифакториальном генезе НС.

Гипертензионный синдром при нефропатиях также пытаются рассматривать с генетических позиций. В настоящее время становится очевидным, что развитие заболеваний почек, проявляющихся гипертензией или гипотонией, может быть связано с генетическими влияниями. Правда, наследственные формы артериальной гипертензии (АГ), а также артериальной гипотонии довольно редки [25]. Идентифицированы 8 генов, мутация которых приводит к развитию наследственных форм АГ, и 9 генов, ответственных за появление генетически детерминированной артериальной гипотонии. Несмотря на сложность регуляции артериального давления, выясняется, что продукты мутантных генов оказывают повреждающее влияние на один и тот же механизм реабсорбции NaCl в почке. Речь идет об эпителиальном Na⁺-канале кортикальной части собирательных канальцев, где возвращаются в кровь не реабсорбировавшиеся ранее 2% натрия (рис. 6). Этот последний этап реабсорбции натрия очень важен, так как находится под регулирующим влиянием ренин-ангиотензин-альдостероновой системы (РААС). Альдостерон, воздействуя на минералокортикоидные рецепторы эпителиальной клетки дистального нефрона, вызывает каскад реакций, которые в конечном итоге определяют уровень артериального давления. Те мутации, которые приводят к повышению реабсорбции натрия, сопровождаются АГ; мутации, ведущие к снижению реабсорбции Na, являются причиной развития артериальной гипотонии.

К заболеваниям, обусловленным генными мутациями и протекающим с артериальной гипертензией (АГ),

Рис. 6. Схема нефрона и перечень некоторых моногенных болезней с изменением артериального давления у человека (по Rifton et al., 2001). Молекулярный путь регуляции реабсорбции NaCl в восходящей толстой петле Генле, извитом канальце, собирательной трубке коркового вещества; ренин-ангиотензин-альдостероновая система – регулятор реабсорбции NaCl. Показаны основные наследственные болезни с АГ: гиперальдостеронизм, гиперпродукция минералокортикоидов, синдром Лиддла. Представлен механизм наследственной артериальной гипотонии при различных вариантах синдрома Барттера

Псевдогипоальдостеронизм (тип II) проявляется гипертензией и гиперкалиемией при нормальных почечных функциях. Синдром может развиваться при мутациях генов, расположенных в регионах: 1q31-42, 12p13, 17p11-q21. Гипертензия с брахикактилией связана с мутацией гена, расположенного в регионе 12p12.2. Высказывается предположение, что механизм развития гипертензии при этом заболевании близок тому, что наблюдается при эссенциальной АГ, тем более что терапевтическая эффективность связана с использованием ингибиторов АПФ и диуретиков.

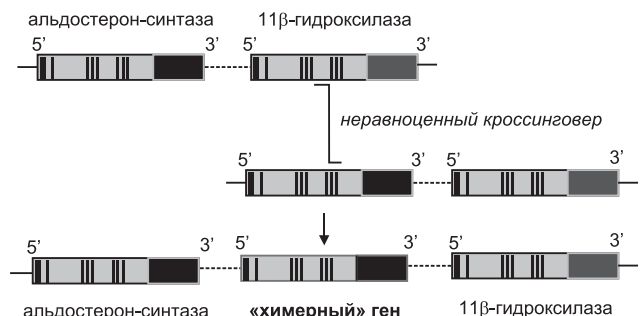
Несмотря на выяснение причин АГ в случаях генетически детерминированной патологии, использовать эти данные для объяснения причины возникновения эссенциальной гипертонии и повышения артериального давления

относятся: «гиперальдостеронизм, чувствительный к глюкокортикоидам», «болезнь гиперпродукции минералокортикоидов», синдром Лиддла, псевдогипоальдостеронизм (тип II), гипертензия с брахикактилией. При «гиперальдостеронизме, чувствительном к глюкокортикоидам», появляется аномальный ген в регионе 8-й хромосомы, между генами альдостерон-синтазы и 11-бета-гидроксилазы. Этот «химерный» ген метаболизирует кортизол в альдостерон, что и ведет к АГ (рис. 7). Спиролактоны оказывают лечебное действие, кратковременное исчезновение АГ наблюдается после приема 5 мг преднизолона.

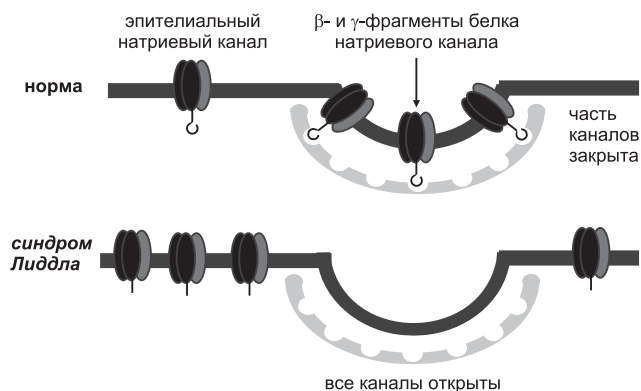
Для «болезни гиперпродукции минералокортикоидов» – аутосомно-рецессивного заболевания – характерны низкие количества ренина и ангиотензина в крови. Мутация гена приводит к отсутствию 11-бета-гидроксистероидной дегидрогеназы-2, что ведет к невозможности перехода кортизола в кортизон. Кортизол циркулирует в крови, в 1000 раз превышая содержание альдостерона, и сам активизирует минералокортикоидные рецепторы. Использование тиазидов и спиролактонов приводит к нормализации АД.

Синдром Лиддла (псевдоальдостеронизм) связан с мутацией гена, картированного на 16-й хромосоме. Продукты гена принадлежат амилорид-чувствительному натриевому каналу, мутация гена приводит к изменению функциональной способности субъединиц транспортного белка (рис. 8). Заболевание характеризуется активной реабсорбцией натрия в этих каналах, что и приводит к АГ. Нарушения обмена калия и натрия в дистальных канальцах ведут к развитию гипокалиемического алкалоза. Уровни ренина и альдостерона в крови низкие, артериальное давление снижается при использовании амилорида, но остается повышенным при применении спиролактонов.

при гломерулонефрите, интерстициальном нефрите и других приобретенных болезнях почек не удастся. Дело в том, что в общей популяции больных гипертензией гены, ответственные за развитие моногенно наследуе-

Рис. 7. Образование «химерного» гена (по R. Lifton et al., 2001)

Рис. 8. Молекулярный механизм синдрома Лиддла (по R. Lifton et al., 2001)

мой АГ, не встречаются. Несмотря на то что проводится довольно интенсивный поиск генов, ответственных за развитие мультифакториальных заболеваний с гипертензионным синдромом, только единичные исследования дают положительный результат. В частности, аллель гена ангиотензиногена M235T, ассоциированный с высоким уровнем ангиотензина крови и АГ, выявлен только в некоторых исследуемых популяциях больных гипертонической болезнью [36]. Только в одном исследовании у больного с АГ удалось выявить мутацию гена, кодирующую бета-субъединицу гена, ответственного за развитие синдрома Лиддла [11].

К генетически детерминированным заболеваниям, проявляющимся гипотензивным синдромом, кроме аутосомно-доминантного и аутосомно-рецессивного псевдогипоальдостеронизма, относится большая группа заболеваний, объединенных термином «синдром Барттера», по имени автора, впервые описавшего симптомокомплекс: гипокалиемический алкалоз при отсутствии АГ, повышение в крови уровня ренина, ангиотензина и альдостерона. В настоящее время время расшифрованы различные генетические варианты синдрома Барттера и близкого по сути синдрома Гительмана [19].

Под нашим наблюдением [8] с возраста 1 год 6 мес. находится ребенок, у которого были выражены гипокалиемия, метаболический алкалоз, высокий уровень в крови ренина, ангиотензина и альдостерона, низкое артериальное давление и внешний вид, характерный для синдрома Барттера 2-го типа (рис. 9). Этот вариант синдрома Барттера зависит от мутации гена ROMK, расположенного на хромосоме 11q24, кодирующего АТФ-зависимый транспортный белок калиевого канала эпителии восходящей части петли Генле. Лечебный эффект оказали использование калия, спиролактонов и ингибиторов простагландинов, усиленная продукция которых связана с увеличением активности ангиотензина.

Таким образом, генетические исследования приоткрывают завесу, препятствующую правильной расшифровке тяжелых наследственных заболеваний, развивающихся в начальном постнатальном периоде жизни ребенка и проявляющихся врожденной артериальной гипертонией или гипотонией. Для их правильной идентификации необходимы своевременные исследования электролитного состояния крови и мочи, характера кислотно-основного равновесия, уровня в крови ренина, ангиотензина, альдостерона. Своевременная диагностика и адекватная терапия могут привести к восстановлению нарушенных обменных процессов и правильному развитию ребенка. Однако изучение сущности генетически детерминированных синдромов, проявляющихся артериальной гипертонией или гипотонией, в настоящее время не может помочь в понимании роли генетических влияний при возникновении АГ как самостоятельного заболевания.

При изучении генетических аспектов прогрессирования разнообразных нефропатий обращено внимание на то, что развитие гипертензии и прогрессирующее течение IgA-нефропатии отмечаются при наличии у пациентов DD-аллеля гена АПФ [41]. Аналогичная ситуация обнаружена и при рефлюкс-нефропатии [31]. Исследования, проводимые в нашей клинике Л.С. Приходиной совместно с сотрудниками Медико-генетического центра РАМН [34, 35], показыва-

Рис. 9. Больной с синдромом Барттера. Симптомокомплекс: гипокалиемия, метаболический алкалоз, высокий уровень ренина, ангиотензина, альдостерона. Низкое артериальное давление. Внешний вид: треугольной формы лицо с большим лбом, большими глазами, поникшими углами рта

ют, что предикторами прогрессирования СРНС могут быть различные аллели генов PAAC, гена эндотелиальной оксида азота синтазы (e-NOS) и гена ингибитора активатора плазминогена-1 (PAI-1). В частности, наличие хотя бы одной 4G-аллели гена PAI-1 может быть предиктором развития АГ и ХПН при СРНС. При прогрессирующем течении СРНС обнаружен полиморфизм гена e-NOS: 4a4a 27bp, CC и TT T786C, ED E298D, что настраивает на необходимость их исследования при решении вопроса о характере течения НС.

Велика роль генетических исследований в фармакотерапии почечных заболеваний. Рекомбинантные препараты эритропоэтина широко используются в нефрологии. В последние годы генетические исследования направлены на выяснение вариантов генов, которые могут способствовать ренопротективному эффекту ингибиторов АПФ и блокаторов рецепторов АГ-II [29]. Изучаются также гены, которые могут способствовать предупреждению нефротоксичности циклоспорина А, широко применяемого в трансплантологии и нефрологии [14].

Заключение

Основными клиническими проявлениями многих нефрологических заболеваний являются гематурический, нефротический, гипертонический синдромы и кистозы. По мере развития генетики стало очевидным, что развитие этих синдромов может быть связано с генетическими факторами. Причем во многих случаях это может быть моногенно наследуемая патология, какой является наследственный нефрит (синдром Альпорта), поликистозная болезнь почек аутосомно-доминантного или аутосомно-рецессивного типа и различные варианты нефронофтиза. Однако нефротический и гипертонический синдромы как моногенно-наследуемая патология, как правило, встречаются преимущественно в детском возрасте, причем развиваются чаще в раннем детстве и нередко правильно не диагности-

руются. В старшем возрасте у детей, как и у взрослых, чаще проявляются заболевания мультифакториально-го характера, где роль генетических факторов также несомненна. Большим достижением оказывается появление генетических данных, говорящих о возможностях на основании обнаружения генных аллелей прогнозировать заболевание. Вместе с тем остается нерешенной проблема лечения генетически детерминированных болезней и синдромов.

Достижения современной генетики все шире внедряются в нефрологическую клинику. Очень важным оказывается выделение моногенно наследуемых форм НС, так как, в отличие от приобретенных, глюкокортикоиды и другие иммуносупрессивные средства при них не только не помогают, но способствуют прогрессированию болезни. Накапливаются факты, говорящие о полиморфизме генов, которые определяют развитие болезненного процесса и склонности к формированию нефросклероза как основы ХПН. По-видимому, недалеко то время, когда на основании генетических маркеров можно будет судить о целесообразности использования тех или иных лекарственных средств и препятствовать нефротоксическому эффекту некоторых лекарств. И наконец, экспериментальная генетика подготавливает почву для использования генно-инженерных методов лечения наследственной патологии почек.

Литература

1. Ажсенова М.Е., Добрынина М.В., Камышева О.В. и соавт. Поликистоз почек и обратное расположение внутренних органов у ребенка (нефронофтиз 2-го типа). Российский вестник перинатологии и педиатрии 2005; 2: 40–44.
2. Вельтищев Ю.Е., Игнатова М.С. Профилактическая и превентивная нефрология (генетические и экопатогенные факторы риска развития нефропатий): Пособие для врачей. М., 1996: 61.
3. Ворсанова С.Г., Демидова И.А., Игнатова М.С. Цитогенетическая характеристика детей с нефропатиями из региона, отягощенного тяжелыми металлами. Нефрология и диализ 2000; 2 (3): 166–170.
4. Игнатова М.С. Диагностика и лечение экодетерминированной патологии у детей. В кн.: Соматические болезни у детей: Руководство для врачей. Под ред. М.С. Игнатовой. М.: Оренбург, 2002: 167–188.
5. Игнатова М.С., Вельтищев Ю.Е. Наследственные и врожденные нефропатии у детей. Л.: Медицина, 1978: 252.
6. Игнатова М.С., Длин В.В., Никитина Т.А. и соавт. Вирусная инфекция Эпштейна–Барра у больной с гормонорезистентным нефротическим синдромом: этиологический фактор или фактор прогрессирования гломерулонефрита. Нефрология и диализ 2005; 7 (1): 70–72.
7. Кирилина С.А. Характеристика нарушений клеточной биоэнергетики и возможности их коррекции янтавитом при поликистозной болезни почек и болезни де Тони–Дебре–Фанкони у детей: Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2005: 28.
8. Обухова В.А., Камышева О.В., Айратова Н.С. и соавт. Нeonатальный синдром Барттера с тугоухостью. Российский вест. перинатологии и педиатрии 2003; 642–645.
9. Шатохина О.В., Игнатова М.С., Османов И.М. и соавт. Клинический полиморфизм и генетическая характеристика синдромов Дениса–Драша и Фрайзера. Нефрология и диализ 2004; 6: 337–343.
10. Atkin C., Gregory M., Border W. Alport syndrome. Diseases of the Kidney. Ed. R. Schrier, C. Cottschalk. 4-th ed. Boston: Little, 1989; 1: 617–641.
11. Baker E., Dong Y., Sagnella G. et al. Association of hypertension with T594M mutation in beta subunit of epithelial sodium channels in black people resident in London. Lancet 1998; 351: 1388–1394.
12. Bouite N., Grboval O., Roselli S. et al. NPHS2, encoding the glomerular protein podocin, is mutated in autosomal recessive steroid-resistant nephrotic syndrome. Nat Genet 2000; 24: 349–354.
13. Clerget-Darpoux F. Overview of strategies for genetic diseases. Kidney Int 1998; 53: 1441–1445.
14. Dominguez J., Soleimani M., Batiuk T. Studies of renal injury IV: The Glut 1 gene protects renal cells from cyclosporine A toxicity. Kidney Int 2002; 62: 127–136.
15. Eikmans M., Baelde H., Heer E., Brulin J. DNA-expression profiling as prognostic tool in renal patients: Toward nephrogenomics. Kidney Int 2002; 62: 1125–1135.
16. Frisberg Y., Rinat Cb., Feinstein S. et al. Mutated podocin manifesting as CMV-associated congenital nephrotic syndrome. Pediatr Nephrol 2003; 18: 273–275.
17. Gagnadoux M.F., Toth-Heyn P. Autosomal dominant polycystic kidney disease. ESPN Handbook 2002: 189–191.
18. Gubler M., Tcalicova F. Alport syndrome and other familial haematurias. ESPN Handbook 2002: 208–212.
19. Hildebrandt F. Insights from Bartter's syndrome. Pediatric Nephrology. Abstracts. The 11th Congress of IPNA. Sept 12–16, 1998; London: C55, 23.03.
20. Hildebrandt F. Juvenile nephronophthisis. In: Pediatric Nephrology. T.M. Barrat, E.D. Avner, W.E. Harmon (eds). Baltimore: Lippincott Williams & Wilkins, 1999.
21. Kaplan J.M., Kim S.H., North K.N. et al. Mutation in ACTN4, encoding alpha-actinin-4, cause familial focal segmental glomerulosclerosis. Nature Genet 2000; 24: 251–256.
22. Kashtan C., Gubler M., Sisson-Ross S. et al. Chronology of renal scarring in males with Alport syndrome. Pediatr Nephrol 1998; 12: 269–274.
23. Kestila M., Lenkkeri U., Lamerdin J. et al. Positionally cloned gene for novel glomerular protein-nephrin – is mutation in congenital nephrotic syndrome. Mol Cell 1998; 1: 573–582.
24. Labdenkari A.T., Kestila M., Hohnberg Cb. Nephrin gene (NPHS1) in patients with minimal change nephrotic syndrome (MCNS). Kidney Int 2004; 65: 1856–1863.
25. Lifton R.P., Charavi A., Geller D. Molecular Mechanisms of human hypertension. Cell 2001; 104: 545–556.
26. Massella L., Muda A., Furaggiuna T. et al. Epidermal basement membrane alpha-5 (IV) expression in families with Alport syndrome and severity of renal disease. Kidney Int 2003; 64: 1787–1791.
27. Menlove L., Kirschner N., Nguen N. et al. Linkage between Alport syndrome – like hereditary nephritis and X-linked PFLPS. Cytogenet Cell Genet 1985; 40 (4): 697–698.
28. Murcia N.S., Woycbik R.P., Auner E.D. The molecular biology of polycystic kidney disease. Pediatr Nephrol 1998; 12: 721–726.
29. Narita I., Goto Sb., Saito N. et al. Angiotensinogen gene variation and renoprotective efficacy of renin-angiotensin system blockade in IgA-nephropathy. Kidney Int 2003; 64: 1050–1058.
30. Panczyk-Tomaszewska M., Hoppe B. Autosomal recessive polycystic kidney disease. ESPN Handbook 2002: 192–197.
31. Pardo R., Malaga S., Coto E. et al. Renin-angiotensin system polymorphism and renal scarring. Pediatr Nephrol 2003; 18: 110–114.
32. Pereira A.C., Pereira A.B., Mota G.F. et al. NPHS2 R229Q functional variant is associated with microalbuminuria in the general population. Kidney Int 2004; 65: 1026–1030.
33. Pollak M. Inherited podocytopathies: FSGS and nephrotic syndrome from a genetic viewpoints. J Am Soc Nephrol 2002; 13: 3016–3023.
34. Poltavets N., Prichodina L., Galeeva N. et al. Polymorphisms of genes predisposing to cardiovascular disorders in group of patients with steroid-resistant nephrotic syndrome. European J of Human Genetics 2005; 13 (Suppl. 1): 1137: 328.
35. Prichodina L., Zakiyazninskaya E., Poltavets N. et al. Genetic markers for progression of steroid-resistant nephrotic syndrome in childhood. Nephrology 2005; 10 (Suppl.): A246.
36. Staeesen R.S., Kuznetsova T., Wang J. et al. M235T angiotensinogen gene polymorphism and cardiovascular renal risk. J Hypertens 1999; 17: 9–17.
37. Tverskaya S., Tsalicova F., Ignatova M. Substitution of alanine 1498 to aspartate in non-domain of L5/VI/ collagen chain associated with adult-onset X-linked Alport syndrome. G Human Mutation 1996; 6 (2): 149–150.
38. Vats A., Costello B., Mauer M. Glomerular structural factors in progression of congenital nephrotic syndrome. Pediatr Nephrol 2003; 18: 234–240.
39. Veltischev Yu., Ignatova M., Ananenko A. et al. Hereditary nephritis and hypoplastic dysplastic nephropathy: hydroxylysine glycoside excretion and the glomerular basement membranes. Int J Pediatr Nephrol 1983; 4 (3): 149–154.
40. Watanabe D., Saijoh Y., Nakana S., Ikawa Y. The left-right determination inversin is a component of node monocilia and 9+0 cilia. Development 2003; 130: 1725–1734.
41. Yoshikawa N., Tanaka R., Iijima K. Pathophysiology and treatment of IgA-nephropathy in children. Pediatr Nephrol 2001; 16: 446–457.